

ИМПЕРИИ ЗЛА

ИТАЛИЯ

КОЛЫБЕЛЬ
ФАШИЗМА

НИКОЛАЙ УСТЯЛОВ

Империи зла

Николай Устрялов

Италия – колыбель фашизма

«Алисторус»

1928

УДК 94(450).094
ББК 63.3(0)61

Устрялов Н. В.

Италия – колыбель фашизма / Н. В. Устрялов — «Алисторус»,
1928 — (Империи зла)

Слово «фашизм» традиционно ассоциируется с Германией 1933–1945 годов. Это было связано с типично советской точкой зрения, которая видела в режимах Гитлера и Муссолини единую силу, являющуюся реакцией на победное шествие коммунистической идеологии. В режимах Гитлера и Муссолини действительно много общего. Однако и много различий, что, кстати, признавал и Гитлер. Итальянский фашизм стал первым опытом власти «партии нового типа» некоммунистической направленности, и в этом смысле явился предшественником нацизма. Поэтому фашизм в точном смысле идеологии есть прежде всего явление итальянское. О чем миру одним из первых поведал наш соотечественник – социолог, теоретик и представитель правого национал-большевизма Н. В. Устрялов (1890–1937). «Только кровь дает бег звенящему колесу истории», – говорил Муссолини. Италия под началом этого диктатора надеясь на колониальный передел мира. К чему это привело Муссолини и его народ, все хорошо знают. Для читателя же особую ценность представляет повествование свидетеля той эпохи о зарождении и становлении фашизма в Италии, – стране, где каждый камень, каждое дерево, каждый цветок пропитан историей.

УДК 94(450).094
ББК 63.3(0)61

© Устрялов Н. В., 1928

© Алисторус, 1928

Содержание

Предисловие	6
Италия перед войной. Население. Власть	8
Эмиграция. Империализм бедняков	12
Великая война. Нейтрализм. Интервенционизм. Май 1915-го	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Васильевич Устрялов

Италия – колыбель фашизма

Предисловие

В ряду глубоких изменений, внесенных в мир мировой войной, особое внимание привлекает к себе своеобразный кризис государственных форм, связанных с характерными новыми явлениями в области политической жизни. Конечно, не война породила эти явления, – напротив, она сама явилась результатом и признаком их созревающей реальности. Она лишь их обнаружила, подчеркнула, заострила. Они зрели в недрах XIX века и, как видно, представляют собою нечто естественное и закономерное.

Нередко приходится слышать, что наиболее поучительными и показательными участками современного мира цивилизованных народов должны быть признаны две страны: Россия и Италия. Указывают, что послевоенные революции в этих странах, при всей их внешней полярности, отмечены одинаково печатью яркой исторической оригинальности, некоей знаменательной новизны. Если грандиозность размаха и масштабов русской революции ныне уже вряд ли в ком вызывает сомнения, если в облик преображенной великою революцией русской государственности всматриваются отовсюду пытливые и пристальные взоры, – то нельзя отрицать, что и итальянские события последнего десятилетия привлекают к себе достаточно зоркое внимание, весьма напряженный интерес.

Все чаще и чаще встречаешь в государственно-правовой литературе признания, что именно Россия и Италия становятся ныне волею судьбы в центре и фокусе общего внимания. Падение Габсбургов, Гогенцоллернов и султанов не слишком потрясло мир и не заставило ученых обратиться к пересмотру некоторых, уже посевших за столетнюю свою жизнь, государственно-правовых представлений: словно лопнул Морган или Ротшильд, не более! Но события в России и Италии ставят в порядок дня вопрос о существенной переоценке целой цепи начал, на которых покоилось конституционное и демократическое государство. Новые формулы выдвигаются жизнью. Новые притязания заявляют о себе. Свежие силы пробивают себе дорогу. Осуществляются поучительнейшие опыты, словно мерцает какая-то новая эпоха: так в 1789 году провозглашала неслыханные тогда на Европейском континенте лозунги Великая французская революция...

Настоящий очерк посвящен фашизму. В русской литературе до сего времени это явление недостаточно освещено. Вокруг него больше плачут и смеются, кипят и бушуют страсти, и мало кому досуг пристальнее в него всмотреться. Одни проклинаят его, как опасного классового врага, другие, напротив, благословляют, как якорь спасения... Россия. Но прежде всего надлежит основательнее с ним познакомиться, познать его существо.

Именно эту задачу и ставит себе в первую очередь настоящий очерк. Он больше рассказывает, излагает, нежели оценивает и размышляет. Рассказывает историю фашистского движения и пытается вскрыть ее предпосылки, рисует идейный и социально-политический облик фашизма, поскольку он выступает из собственных слов самих фашистских деятелей, а также из реальных дел фашистской партии и власти. Конечно, безусловный «объективизм» невозможен уже при самом восприятии социальных явлений и самой постановке социальных проблем, но меньше всего данная работа задается какими-либо посторонними беспристрастному исследованию и имманентному предметному анализу задачами.

Разумеется, фашизм есть принадлежность современной итальянской жизни по преимуществу. Понять его можно лишь на родной его почве. Это не значит, что отдельные его элементы не могут проявляться, в аналогичной обстановке, и в других странах. Но, как данный

исторический факт в его конкретности и целостности, он всецело – продукт специфических итальянских условий. История не любит работать по «стандарту», ее пути индивидуальны и неповторимы. Если большевизм есть типично русское порождение и, как таковой, немыслим вне русской истории и русской психологии, – то тщетно было бы изучать и фашизм в отрыве от его индивидуально-исторических истоков. Так называемая «заразительность» обоих этих исторических сил имеет, несомненно, свои пределы и свои законы: *si duo faciunt idem, non est idem*. «Принципы 89 года» заразили мало-помалу Европейский континент: но становится ли тем самым Великая французская революция менее французской, менее национальной, и поймем ли мы ее вне знакомства с оригинальной, индивидуальной обстановкой ее возникновения и развития? И, кроме того, разве каждый зараженный названными принципами народ не переживал и не переживает их по своему?..

Италия перед войной. Население. Власть

Современная Италия – сравнительно «молодая» страна, с недостаточно установившейся социальной структурой. И социальный, и политический факторы дробятся в ней множеством «районных» отображений («реджионализм»). Длинный, узкий полуостров, она делится на три полосы с тремя различными климатами, от центрально-европейского до североафриканского: если долина По – Европа, то Сицилия – уже почти Африка. В течение семи веков Италия жила не единой, а разорванной жизнью, жизнями отдельных своих районов. В течение семи веков была она для политиков, согласно известной фразе Меттерниха, «не более, чем географическим термином». Она знала до дюжины столиц и всевозможные формы правления. Ломбардия, Тоскана, Венеция, южные области – имели каждая свою обособленную историю; нередко это оказывалась скорее история Франции, Германии, особенно Австрии, нежели самой Италии. Отдельные районы обзавелись своими специфическими наречиями; бывает, что северянин с трудом понимает южанина. Естественно, что и после объединения 1848–1870 гг. новой власти приходилось непрерывно преодолевать многообразные затруднения, колебания, брожения. И объединенная, до XX века сохраняла Италия в себе какую-то внутреннюю нестройность – наследие старой разорванности. Ни в одном своем социальном слое не могла она найти прочной опоры своей слагающейся государственности и нередко местные интересы в сознании ее населения соперничали с общенациональными.

Ее интеллигенция никогда не играла той руководящей, организующей, деловой роли, которая выпадает на долю образованного слоя в Англии, Франции, Германии. Впрочем, итальянская интеллигенция была, по-видимому, и неспособна к такой роли: импульсивная и неуравновешенная, она металась из одного строя мысли в другой, она бывала «по очереди маццинистской, республиканской, гарибальдийской, монархической, демократической, либеральной, консервативной». Ее постоянная материальная необеспеченность могла отчасти служить объяснением ее идеологической неустойчивости, ее «бесхребетности».

Итальянская буржуазия, с своей стороны, проявляла и социальную, и моральную неподготовленность стать действительным ферментом государственного порядка. Итальянский капитализм – явление новое. Ни специфической банковской атмосферы, ни урбанизированного рабочего класса, ни резкого разделения населения на обособленные социальные группы не наблюдалось в Италии до начала нынешнего века. В таких условиях буржуазия не могла пройти надлежащей исторической школы. Не было у ней социального опыта и дальновидного классового сознания, не хватало культурных ресурсов стать подлинной «либерально-консервативной» силой. И качественно, и количественно она для этого не годилась.

Бедное и многочисленное чиновничество. Вечно нуждающееся, недостаточно образованное и не слишком сознательное офицерство. Аристократия, оскудевшая в качестве государственной силы, политически сошедшая на нет. Церковь, традиционно обиженная на государство и потому не склонная ни в чем ему помогать. Такова картина «командующих классов» в Италии XIX века.

Италия – страна, главным образом, аграрная: земледельческого населения в ней вдвое больше, чем связанного с промышленностью (10 и 5 миллионов). Но земельный вопрос в Италии всегда был сложен, как нигде: недаром говорят, что там не один, а 8 или 10 аграрных вопросов! Крестьянство расслаивалось социально и географически: мелкие собственники (около 2 миллионов), фермеры и арендаторы-исполковники (*mezzadri*, около 3 миллионов), наемные батраки и поденщики (*braccianti* – свыше 4 миллионов) – вот, согласно данным 1911 года, разнохарактерные и часто взаимно враждебные прослойки внутри единой, казалось бы, социальной формации. Соотношение этих прослоек различно в различных провинциях. В Тоскане и Средней Италии половники, живущие культурой фрукт и огородничеством, чувствуют себя

гораздо лучше, чем на юге, где сеется одна лишь пшеница и где условия аренды значительно более сложны и менее справедливы (система посредников – *gabelotti*). На севере – родине политического движения Италии – постоянно заявлял о себе сельский пролетариат, «фабрикующий землю», превративший скудные земли низкой долины По длительной разработкой в прекрасную, плодородную местность, дающую квалифицированные культуры. В этом районе наблюдается крайнее дробление земельных владений на мелкие, карликовые участки: фермеры, арендующие землю, а также зажиточные крестьяне собственники. На юге и отчасти в центре сохранились помещики с их знаменитыми «латифундиями», раз уже – по свидетельству Плиния старшего – «погубившими Италию». Правда, этим южным помещикам феодального типа так и не удалось в современной Италии сплотиться политически в партию «магнатов» или «юнкеров», способную стать опорой реакции на манер прежней прусской или венгерской: для активной политической роли они оказались слишком ленивы и недостаточно культурны. Но все же в их руках было достаточно земель, возделываемых и запущенных в зависимости от почвы и доброй воли владельца. В начале 1900 годов (особенно в 907 и 908) по стране прокатилась волна аграрных волнений, причем уже тогда экономическая борьба явственно переходила на своем левом фланге непосредственно в политическую: против собственности! Свыше четырех миллионов сельских батраков, полунизших и эксплуатируемых, представляли собою прекрасную среду для культуры беспокойных и радикальных лозунгов. Пусть даже заветная мечта каждого из них – стать фермером, но куда мечта не воплощена, умело подогреваемая социальная зависть способна выковать из этих людей отменный революционный материал. Их требования, все более настойчивые, принуждали капитал стараться обойтись, по возможности, без них, что было достижимо лишь усовершенствованием техники. Государство шло навстречу крупному капиталу, отпускало субсидии для устройства каналов, дорог, земляных улучшений. В свою очередь, социалисты стремились успешнее сплотить и подчинить своему влиянию батрацкие элементы деревни путем организации «красных лиг», «палат труда» и проч. Подчас положение становилось достаточно острым. Земельным собственникам кое-где приходилось в качестве мер сопротивления и воздействия прибегать к сильно действующим средствам: к отказу от производства и локаутам. В Сицилии дело доходило до эпидемических разгромов помещичьих усадеб; львиная доля вины за них падала на близорукую и жадную несговорчивость помещиков. Нужда, голод, отчаяние толкали на эксцессы бедноты отсталых южных провинций. Она не была приучена ожидать защиты и помощи от законной власти. Отсюда и знаменитая «мафия», самоорганизация инициативных, но в то же время и бесшабашных элементов, которым «закон не писан», своего рода «благородных разбойников», порою, впрочем, забывавших о своем «благородстве».

Наименее надежным с точки зрения наличного государства социальным слоем являлся, конечно, городской промышленный пролетариат северных районов. В 1898 году интенсивное рабочее движение было подавлено грубыми и неуклюжими мерами тогдашнего консервативного министерства Пеллу. Но с 1903 года римское правительство меняет курс в области рабочей политики и усваивает позицию своеобразного «нейтралитета» в борьбе между предпринимателями и рабочими. Итальянский рабочий класс начинал все более чутко и сочувственно прислушиваться к социалистической пропаганде и подпадать под влияние социалистической партии. Последняя в Италии, густо прослоенная выходцами из мечтательной буржуазной молодежи (так наз. «социализм совести»), была богата левыми настроениями, и наряду с реформистами включала в свой состав сильное экстремистское крыло. В частности, прочное гнездо свил себе в ней революционный синдикализм. Особенно ярко победа в ней левых, непримиримых течений сказывается в 1912, в период перехода страны к всеобщим выборам. Известно, что из всех европейских социалистических партий итальянская одна не была захвачена военнопатриотическим порывом 1914–1915 годов. Она упорно чуждалась войны и не хотела иметь ничего общего с буржуазным правительством. До поражения итальянской армии под Капо-

ретто 22 октября 1917 года социалистическая оппозиция войне выливалась даже в бурные, страстные формы: социалисты в парламенте часто недвусмысленно грозили власти забастовкой окопов. Правда, после Капоретто они принуждены были изменить тактику, – но в стране сохранилось впечатление, что в течение войны социалисты вели себя непатриотично. Впоследствии фашизм широко использовал это впечатление.

Итальянское государство, созданное в атмосфере лозунгов, одновременно национальных и народных, оформило себя парламентарной демократией. Эта форма государственного строя, английская по своим историческим корням и своему идейному существу, становилась, как известно, общеевропейской после 48-го года. «Внутренняя Англия» крепла и развивалась во всех государственных организациях Западной Европы. Привила ее себе и молодая Италия.

Политическая демократия, лишенная глубоких традиций на Апеннинском полуострове, не без труда справлялась с экономическими нестроениями и социальными противоречиями, характерными для Италии. Тяжелые налоги, соединенные с несвоевременной налоговой системой, погружали население в неизбынное море «фискальных мучений». Социальные и финансовые трудности постоянно грозили превратиться в политические потрясения. Массы вовлекались в политику, оставаясь чуждыми политическому опыту и общественной подготовке. Политических партий в англосаксонском смысле этого понятия в Италии не было до образования социалистической (1893) и католической народной (1919) партий. Но даже и эти обе, сложившиеся под некоторым влиянием немецких социал-демократов и «центра», не могли не подвергнуться воздействию итальянской обстановки. Партийные массы не научились проявлять демократическую самостоятельность, а вожаки, монополизирующие на парламентской трибуне партийные стяги, обычно пользовались ими не столько для осуществления начертанных на них программ, сколько для одержания побед в бескровной борьбе за власть. Под фирмой демократической государственности процветали личные режимы: Депретис, Криспи, Соннино, Джиолитти... Нигде, пожалуй, не чувствовались шипы парламентаризма так остро, как в Риме и нигде так мало не укоренились положительные стороны этой системы правления. Нигде закулисные парламентские комбинации не казались более мелкотравчатыми, изгибы правительственных маневров более жалкими, политические компромиссы менее достойными, чем именно на этих великих исторических холмах, запечатлевших на себе дыхание мировой истории. Естественно, что новые поколения оказывались сплошь одержимы скептицизмом по адресу демократических учреждений, «и когда фашисты появились у демократического фасада итальянского государства, они не нашли у ворот ни стражи, ни часового».

Итальянский парламентаризм последнего периода не выдвинул крупных государственных фигур, за исключением, быть может, Джиованни Джиолитти, необычайно чуткого политика, мастера министерских лавирований и парламентской стратегии. Это был «циник, никогда не говорящий о цинизме; сановник, всегда умеющий привлекать к себе людей, награждать их, отличать, осыпать почестями, глубоко их презирая»¹. Социально-политически он начал свою карьеру выразителем интересов той «новой северной буржуазии», которая заметно кристаллизуется и созревает к XX веку в результате промышленного и торгового развития страны. Но в то же время он умел отчетливо учитывать преобладающую роль сельского хозяйства в экономическом организме Италии. Именно с ним, организатором нового прогрессивного блока в парламенте, связывается историческая перемена правительственного курса в сторону начал социального прогресса и последовательной демократии: крестьянство и промышленная буржуазия против землевладельцев! Соответственно с этою переменою на переломе века, министерская декларация 12 июня 1906 года объявляла задачей правительства «объединение большой либе-

¹ «Несомненно, – утверждал Муссолини в 1912 г. на социалистическом конгрессе в Болонье, – Италия представляет собою страну, где парламентский кретинизм вылился в формы наиболее опасные, наиболее убийственные. Вот почему я абсолютно отрицательно отношусь к идее всеобщего избирательного права».

ральной партии около программы, внушенной широким духом свободы и самым искренним расположением к рабочему классу».

Однако пестрота и неустойчивость социальных и политических отношений в Италии ставили серьезные препятствия осуществлению выдвинутых правительственных задач. Надлежащей опоры, надежной среды не было у Джиолитти. Отсюда его политика – политика «лисьего хвоста», непрерывное маневрирование между мелкой буржуазией, интеллигенцией, рабочим классом, социалистической партией. Этот политический стиль характерен для обстановки. Недостаточно сильная, сплоченная и сознательная для более определенной государственной политики, переживающая в себе сложную внутреннюю рознь между элементами индустриальными и аграрными, новая итальянская буржуазия ведет своеобразную линию всесторонних заигрываний: но больше всего, кажется, она любила играть в оппозицию собственному правительству и быть «суфлером собственного упразднения», заигрывая с революцией и социалистами. Бономи в своей книжке прямо говорит о «социалистической буржуазии» в Италии, шедшей рука об руку с буржуазией демократической.

И все же страна в отношении хозяйственном развивалась успешно, быстрым темпом, как бы органически наливаясь соками. Создавалась промышленность, росла производительность сельского хозяйства. Подобно Франции в эпоху Гизов, новая Италия страдала лишь отсутствием здоровой гармонии между экономикой и политикой: несмотря на экономический рост, обозначался все бесспорнее и все тревожнее отрыв масс от руководящих политических сил. В 1913 году Джиолитти провел всеобщее избирательное право, дабы облегчить внутреннее положение в связи с триполитанской войной. Но – любопытный парадокс формальной демократии, не переваренной нацией! – самостоятельность масс шла по иным желобам, через синдикаты, лиги, народные банки, сельские кассы, ассоциации разного рода, кооперативы, католические и социалистические союзы. «Пока неспособные и недобросовестные политики препирались между собой и запутывали финансовое положение страны, рабочие, фермеры, фабриканты и торговцы – крупные и мелкие – работали для спасения себя и своего отечества» – пишет внимательный наблюдатель итальянской общественной жизни. Так приближалась Италия к роковому году мировой войны.

Эмиграция. Империализм бедняков

Каковы были внутренние пружины военного выступления Италии и что ожидала она от победы? Этот вопрос вплотную подводит нас к проблеме «итальянского империализма».

Итальянские экономисты и политики долгое время склонны были отрицать самую наличность «империалистических» вождений своего государства. Не без гордости отмечали они, что «английская болезнь» не коснулась их страны. Но если в этом последнем утверждении они были и правы, то они несомненно ошибались, придавая понятию империализма слишком узкое, чересчур «английское» значение. Конечно, экспансивизм великобританского покроя, «империализм богачей», территориальная агрессия избыточного, интенсивного капитализма – такой империализм был чужд молодой, во многом нуждающейся, промышленно отсталой, аграрной Италии. Но итальянский патриотизм все же знал две агрессивные формы, одна из которых во всяком случае может быть названа тоже «империалистической». Эти формы – «ирредентизм» и поиски земель для размещения избытка населения.

Ирредентизм реально связан с историей объединения Италии и принципиально уместается в рамки «начала самоопределения народов»: не захват чужих территорий, а возвращение своих. *Ciascheduno per se*. Итальянцы хотят свободы народов, и потому стремятся воссоединить с итальянским государством отторгнутых от него единоплеменников. «Уходите за Альпы, – говорили они австрийцам, – и тогда снова будем друзьями!»

Но известна двусмысленность и политическая чреватость понятия «дезаннексии». Если Австрия до самой своей смерти упорно отказывалась уйти за Альпы, то Франция не хочет и думать о дезаннексии Ниццы, Савой и Корсики. Национально-государственные притязания Италии, сталкиваясь с жизненными интересами соседних государств, автоматически приобретали напряженную остроту и «империалистический» привкус. Всякий «пересмотр истории» не может не влечь за собою существенных международных осложнений и не создавать вокруг его зачинщика сгущенной атмосферы подозрительности и недружелюбия. «Исправлять историю» приходится кровью, ибо всякую ее «ошибку» закрепляет кровь. И чем живее итальянский национализм мечтает об увеличении здания единой Италии, тем откровеннее беспокоятся соседние государства, тем громогласнее шумят они о наступательных планах Рима.

Но в XX веке к этой исконной форме итальянской «экспансии» прибавляется и чисто колониальный «империализм», погоня за кусками заморских земель. Рядом с великими и богатыми державами появляется новый претендент на теплые «местечки под солнцем». Италия вмешивается в международные колониальные распри и пристально следит за каждой возможностью установить, а после приобретения Триполи и расширить сферу своего влияния в северной Африке. Суровая необходимость диктует ей этот образ поведения: ее населению тесно в родной стране.

Существенным фактором итальянской жизни и политики издавна была обильная эмиграция. По количеству эмигрантов Италия занимает первое место среди государств всего мира. Переполненность полуострова, неуклонно растущая, ведет, как показывают цифры, к систематическому, абсолютному и относительному, росту отлива населения за границу. В 1880 году всего эмигрировало за пределы Италии 119 901 человек, что составляло 425 чел. на 100 000 жителей; в 1890 г. – 217 244 (718 на 100 000); в 1900 г. – 352 782 чел. (1091 на 100 000); и в 1910 г. – 651 475 (1895 на 100 000). В 1913 г. общее число эмигрантов доходит до 900 тысяч. 32 % эмиграции падает на земледельцев, 30 % – поденщиков и вообще неквалифицированных рабочих, 12 % – индустриальных рабочих, 13 % – каменщиков, плотников и проч., 13 % – коммерсантов и лиц либеральных профессий. Эмигрируют преимущественно мужчины, и это обстоятельство даже изменило за четверть века численное соотношение мужчин и женщин в стране. Большинство переселенцев имеют в виду лишь временную отлучку, но приблизи-

тельная статистика показывает, что за 20 лет из 4,900,139 эмигрантов возвратилось обратно лишь 2,100,684. Следовательно, итальянское государство за указанный промежуток времени утратило 2,800 тысяч граждан! Пусть это не безусловная утрата: эмигранты не порывают всех связей с родиной, держатся на чужбине нередко весьма обособленно и внутренне сплоченно («подобно евреям и китайцам»), не смешиваются с туземным населением, и, говорят, даже присылают домой ежегодно до полмиллиарда лир. Но все же, и не приобретая новой родины, они не могут не отдаляться от старой. Неизбежно утрачивают они мало помалу чистоту языка, а во втором поколении роковым образом наступают и другие признаки денационализации; так, в Южной Америке часто констатируют процесс «испанизации» итальянских выходцев. Помимо того, появление за границей значительных и работоспособных итальянских колоний создает нежелательную конкуренцию отечественному экспорту: в какой-нибудь Калифорнии и Аргентине подвизаются итальянские мастера по части вина и оливы, по части цветоводства или некоторых специальных хлебных культур, – и этим наносится ущерб вывозу соответствующих товаров из Италии. Словом, ясно, что благодаря массовому отливу прироста населения в чужие страны, прирост этот не используется в надлежащей мере. Нужен иной, более целесообразный выход.

Вот данные об итальянцах вне Италии:

1881 г. в Европе 380,352 (36,84 %), в Африке 62,203 (6,02 %), в Азии 7,531 (0,73 %), в Океании 2,971 (0,29 %), в Америке 579,335 (56,12 %), итого 1,032,392.

1891 г. в Европе 461,843 (23,29 %), в Африке 75,212 (3,79 %), в Азии 8,602 (0,43 %), в Океании 4,365 (0,22 %), в Америке 1,433,184 (72,27 %), итого 1,983,206.

1901 г. в Европе 654,053 (19,56 %), в Африке 167,837 (5,02 %), в Азии 10,643 (0,32 %), в Океании 6,141 (0,18 %), в Америке 2,505,876 (74,92 %), итого 3,344,548.

Это свидетельствует о неудержимом сокращении эмиграции в Европу и о решительном перенесении центра тяжести ее в Америку. К 1908 году общая цифра итальянских эмигрантов уже превышала пять миллионов человек, причем тяготение к Новому Свету проявлялось с возрастающей очевидностью. Словно образовались «итальянские колонии без итальянского флага», и находились уже романтики, которые готовы были видеть в мирной колонизации Южной Америки чуть ли не бескровное осуществление мечтаний о Magna Italia, создание «второго итальянского отечества». Но с точки зрения национально-государственной такой романтизм, разумеется, не выдерживал никакой критики.

Английская колонизация делала мир английским: с колонистами приходил английский флаг, или, по крайней мере, английский язык. Италия явилась в современный мир поздно – она пропустила сотни удобных случаев и миллионы квадратных километров земли. Вместе с тем она не имела за собою и качеств британской крови – ни гордой непреклонности первого в мире правительства, ни холодной настойчивости смелого, предприимчивого народа. Не отважные викинги, не рыцари наживы, охваченные жадностью, и не рыцари крестовых походов, пронизанные идеей, – были пионерами итальянской эмиграции; ими были безвестные и безродные бедняки, спасавшиеся беженством от нужды. Они шли не править, не господствовать, а повиноваться, изворачиваться, служить ради куска хлеба. Они стремились в чужие, крепкие государства, в края, дышащие, как им казалось, обильем, и не несли с собою ни итальянской культуры, ни итальянской государственности. И как редко могли они похвалиться хорошим отношением к себе на новых местах! Сколько унижений, недружелюбия, подчас заслуженного, даже враждебности приходилось им переживать! Взять хотя бы положение итальянских поселенцев в Тунисе, кем-то остроумно названном «итальянской колонией, возглавляемой французами». На 35 тысяч французов в 1910 году там жило 125 тысяч итальянцев, занимавшихся плодотворным хозяйственным трудом в этой цветущей колонии. И непрестанно терпели они

всяческие стеснения². В 1896 г. Франция заключила даже специальное соглашение о неувеличении итальянских школ в Тунисе. Но с 1896 до 1910 число итальянских обитателей Туниса утроилось; им оставалось посылать детей во французские школы, да и это бывало не так легко. Итальянские рабочие также претерпевали различные ущемления по сравнению с французскими. То же, и еще более, землевладельцы. Нечего говорить, что французский капитал пользовался повсюду исключительными льготами. И лишь война 1914 г. принесла итальянскому населению Туниса ряд облегчений, обусловленных соображениями тогдашней большой политики.

Понятно, что проблема эмиграции должна была волновать и волновала итальянское правительство. Борьбаться с непродуктивным отливом излишка населения можно было различными средствами: интенсификацией земледелия, запрещением оставлять земли необработанными, заселением болотистых мест (внутренняя колонизация) и т. д. Но все это паллиативы. Значительно более действительное средство – форсированная индустриализация страны: путь предвоенной Германии. «Для растущего народа, – писал Науманн, – есть лишь один способ избежать нищеты: он должен стать народом машин». К XX веку Италия тоже вступила на этот путь промышленного, машинного развития. Но он был ей труден: бедная железом и особенно углем, лишенная промышленных навыков и традиций, она принуждалась выдерживать конкуренцию на мировом рынке с гигантами современного капитализма. Реальная плотность ее населения (т. е. за вычетом непригодных земель) уже в 1910 году превысила 175 человек на квадратный километр, в то время как ее народное хозяйство могло удовлетворительно прокормить, в сущности, не более половины этого количества. Рост населения безостановочно продолжался (4 рождения на один брак), свидетельствуя о жизнеспособности народа, но тем настоятельнее требовала разрешения проблема эмиграции. Выход намечался с неумолимой необходимостью: Италии нужны свои колонии.

Ей нужны колонии для экспорта избыточного населения: «империализм бедняков». Ей нужны колонии и для развития национальной промышленности и, мало того, даже длявоза продуктов первой необходимости, которых ей у себя тоже недостает³. Сама история толкает ее на торную дорогу активной империалистической политики. Не она первая, не она, конечно, и последняя: на наших глазах Япония переживает во многом аналогичный процесс. Жизнь – борьба. Несправедливо, что «поздно приходящие» остаются за флагом. Если есть борьба классов, то не менее закономерна и борьба рас, наций, государств. Обидно, что народы-господа, нации-плутократки высокомерно повелевают международному хозяйственному и политическому рынку. Не за горами – переоценка исторических ценностей!

Так год за годом, движимая непреклонными экономическими импульсами, развивала в себе боевое националистическое сознание итальянская государственность. Всем здоровым нациям присущ инстинкт экспансии, свойственна «воля к мощи». Сильный народ носит в самом себе логику собственного роста, и место его в мире определяется не замкнутым кругом формальных правовых императивов, а бесконечным и существенным разумом истории. Гегель прав в своем гениальном изречении: «всемирная история – всемирный суд».

В итальянском империализме звучат оригинальные ноты своего рода «пролетарской» борьбы: империализм трудящихся классов, жизненно заинтересованных в расширении отечества. Любопытно, что идея «своих колоний» была привита общественному мнению Италии в значительной мере социалистами: Лабриола высказывал ее еще в 1902 году, указывая на Триполи. Как во времена Risorgimento тесно переплетались мотивы национального и социального

² Французские данные за 1926 год рисуют уже существенно иную картину соотношения итальянцев и французов в Тунисе: 89,216 итальянцев и 71,545 французов.

³ Хлебные злаки за пятилетие 1903–1913 гг., по данным римского института сельского хозяйства: своей продукции 84,299 тыс. квинталов, ввоз 20,870 тыс. квинталов. В 1924: своей продукции 81,424 тыс. квинталов, ввоз 23,975 тыс. (П. Лященко, «Русское зерновое хозяйство», Москва, 1927).

освобождения, так и теперь империалистическая тенденция окрашивалась в освободительный цвет. «Что социализм для пролетариата, то для итальянцев – национализм: орудие освобождения от нестерпимого гнета. Что пролетариату буржуазия, то для нас французы, немцы, англичане, американцы, будь то аргентинцы или янки: богачи – вот наши враги» (Коррадини). Итальянская эмиграция таскает каштаны для чужих богачей; – она должна работать на себя, на Италию!

Таков индивидуальный облик современного итальянского великодержавия. Как некогда крылатый Эрос греков был сыном Пороса и Пеннии, обилия и скудости, – так нынешний итальянский империализм, национальный эрос нового Рима, отображает собою одновременно и внешнюю бедность итальянского народа, и богатство таящихся в нем внутренних сил.

В 1908 г., в связи с австрийской аннексией Боснии и Герцеговины, итальянское общественное мнение пережило приступ националистического оживления. Вновь обострились вопросы ирредентизма, явственное обнаружился *Drang nach Nordosten*. Но уже в следующем году «национализм» из острого становится как бы хроническим и наряду с целью возвращения в лоно родины оторванных от нее единоплеменников ставит перед собою ряд еще более широких государственных задач. Появляются новые националистические органы печати, развивается интенсивная пропаганда среди юношества. 3 декабря 1910 г. во Флоренции открывается первый конгресс националистов, дебатирующий большую политическую программу – от философско-исторических основ национализма до очередных практических мероприятий текущего дня. Конгресс подчеркивает, что узкую ненависть к Австрии пора сменить широким и положительным осознанием общей проблемы места Италии под солнцем. Конгресс проходил под знаком старого и славного лозунга «*Italia fara da se*». Националисты далеко не в восторге от мертворожденного тройственного союза, но одновременно не могут не проявлять опасливого отношения также к Англии и особенно Франции. Они рекомендуют правительству «сильную и смелую политику», или, как мы бы теперь сказали «политику здорового национального эгоизма». Они хотят превратить Италию из нации эмигрантов в нацию колонизаторов и щекочут свое воображение славой римской империи времен Октавия. В области внутренних дел национализм высказывается за умеренность и осуждает антисемитские и крайние клерикалистские настроения. Интересно, что в своих построениях он заимствует кое-что у... синдикализма, основательно, впрочем, процеженного, очищенного от революционного содержания. Особенно упорно настаивает он на преодолении остатков старого партикуляризма и на укреплении общеитальянского национального сознания. Ближайшая опора национализма – большие банки, высшие военные сферы, аристократические круги и находящиеся под их влиянием группы интеллигентной молодежи. Вполне понятно, таким образом, что атмосфера националистического конгресса была характерна не только для известных общественных сил Италии того времени, но и для ее государственной политики. Однако в широких массах избирателей националистам не удалось достигнуть сколько-нибудь значительного влияния: на парламентских выборах 1913 года они приобрели в палате всего лишь шесть мест, в том числе два от Рима.

Международные отношения в Марокко не оставляют Италию равнодушной. Ее глубоко волнует соревнование великих держав, пресса полна призывов и пафоса. Опасаются, что после бранного пира богов Италии останутся лишь «обглоданные кости». Пишут об исторических правах итальянского отечества на Средиземном море («*mare nostrum*»), о Риме, о берегах Африки и т. д., – словом, сверкает всеми своими огнями идеологическая арматура великодержавия. Очередная конкретная цель: «Триполи, когда-то наше, должно быть снова нашим»! Англия и Франция не возражают против этого домогательства. Прежде взоры итальянцев были устремлены на Тунис, в котором хотели видеть «продолжение Сицилии». Захватом этой прекрасной земли Францией в 1887 году создалась благоприятная внешняя обстановка для вступления Италии в тройственный союз, никогда, впрочем, не пользовавшийся популярностью

среди большинства итальянцев. Вместе с тем, в области африканской проблемы взоры Рима были переведены с Туниса на Триполи: *Ewiva Tripoli Italiana!*

Итало-турецкая война 1911–1912 годов воплотила этот лозунг в жизнь. Но и присоединением Триполитании и Киренаики по Лозаннскому миру с турками в октябре 1912 года не была разрешена проблема переселения: колонизовать захваченную территорию оказывалось не под силу бедным калабрийским крестьянам. Непривычные условия земледелия и отсутствие капиталов пугали земледельцев, дешевая местная рабочая сила отталкивала итальянских рабочих. Собственная колония, далеко не первосортная, в результате оставалась слабо населенной и не смогла сколько-нибудь существенно отвлечь эмигрантский поток от Южной Америки и других стран. Подтверждалась истина, что колонии оплодотворяются больше капиталами, чем людьми, и что бедным странам от колоний больше хлопот, чем прибыли. Но политически обладание Триполи было, конечно, полезно для Италии, выдвигая ее в ряды великих держав и обещая ей лучшее будущее. В Тунисе появились ростки итальянского ирредентизма. Победы в Африке подняли престиж итальянской армии. Пусть государство с 38 % неграмотных, с малярией, с постоянной почти холерой, с дурными гигиеническими условиями имеет весьма сомнительное «право» браться за «цивилизацию» другой, хотя бы и вовсе девственной страны, – но такие вопросы относятся к области не юриспруденции и индивидуальной этики, а истории. Лишь ее беспристрастный трибунал воздает каждому по делам его, связывает и разрешает. Испания наложила неистребимую печать своего культурного влияния на всю Южную Америку как раз во время инквизиции и жестокого экономического упадка. Извилисты и сложны исторические пути.

Как бы то ни было, к 1914 году и субъективные, и, в известном смысле, объективные предпосылки империалистической политики были в Италии налицо. Это необходимо иметь в виду для более полного уразумения последующих событий.

Великая война. Нейтрализм. Интервенционизм. Май 1915-го

Разумеется, Италия не могла остаться в стороне от общеевропейской бури 1914 года. И внешние влияния, и внутренние силы упорно выводили ее из состояния нейтралитета, защищавшегося осторожным Джаиолитти. Сохранить руки «свободными и чистыми» значило прийти на конгресс с пустыми руками. Пришло время смелых решений. Необходимо было принять участие за столом победителей в новом переделе Европы и тем самым довершить великий подвиг объединения Италии. Больше того. Являлась возможность вновь поставить вопрос о территориальном «расширении» страны в полном его объеме. Одно дело – принцип «национального самоопределения», и другое – государственный интерес. Пока первый непосредственно служит второму, все обстоит превосходно. Но бывает так, что уже никакими натяжками не подвести под определенный и реальный национально-государственный интерес спасительный фундамент «свободного самоопределения народов». Тогда приходится прямее и откровеннее опираться на свой удельный вес.

Каждая страна стремится к «экономической самодостаточности». Каждое государство хочет иметь удобные в торговом и военном отношении границы. Италии требовалось еще многое, чтобы достичь этих целей, стоявших перед нею, как перед так называемой «великой державой». Ей нужно было оправдать это почетное наименование.

«Италия должна расшириться, иначе она взорвется» – проповедовали интервенционисты, напирая на римское правительство. Она должна стать «насыщенной» страной. На широкие массы особенно сильно действовали при этом лозунги «ирредентские», а также и общесоюзнические: гуманитарные и демократические.

Выступление на стороне центральных держав было, судя по всем данным, исключено с первых же дней великого конфликта. Недаром гуляла из уст в уста острота Мартини, сказавшего, что первой жертвой, первым трупом начавшейся войны явился Тройственный Союз. Иначе и быть не могло: договор «совместной неподвижности», механическая дружба органических врагов, акт «обоюдного страхования», – он сыграл свою роль и внутренне себя изжил. Вряд ли правительство, даже если бы хотело, смогло преодолеть антиавстрийскую предубежденность в самых различных слоях населения. Формально отвергая в междусоюзных переговорах наличность *casus foederis*, по существу оно лишь выражало единодушное настроение страны. Повсюду слышалось: «лучше дезертировать, чем драться за немцев». Муссолини формулировал общее мнение, заявляя правительству в 1914 году: «Если вы начнете войну с Францией, вы получите баррикады в Италии». Особенно сильное впечатление и на итальянские общественные круги, и на итальянскую дипломатию произвел факт активного участия Англии в противогерманской военной коалиции. В сущности, именно этот фактор и оказался решающим.

После долгих колебаний и достаточно неприглядной шейлоковской торговли Соннино с обеими сторонами, Италия выступила наконец на стороне союзников. Злые языки острили, что вопрос решили несколько сотен лишних километров. Злые языки, по обыкновению, довольствовались чисто внешней оценкой вещей.

Появление Италии в боевом лагере Антанты знаменовало собою победу ирредентизма в старогарибальдийском смысле над новыми империалистическими стремлениями, отталкивавшими Италию от Англии и Франции. Это не означало, разумеется, отказа от политики колониальной экспансии, но неизбежно отодвигало ее задачи на второй план. Под влиянием военной обстановки и настроений страны правительство принуждено было в первую очередь поставить вопрос о «дезаннексии» населенных итальянцами областей Австрии. За такую постановку

вопроса была и популярная логика итальянской истории. Победа в европейской войне как бы завершала освободительный процесс 1848, 1859, 1860 и 1866 годов. Общественному мнению Италии представлялось противоестественным завершение освободительного процесса в союзе и через союз с центральными монархиями. Напротив, решительно диктовалась демократическая борьба против них.

Значительная часть интеллигентной молодежи стояла уже в 1914 году на интервенционистских позициях. Студенчество неоднократно взывало о военном вмешательстве. Но гораздо важнее, что и «средние классы» относились к выступлению Италии, в общем, сочувственно. После объявления войны страна пережила подъем горячего национального движения, порыв «священного единения». Количество добровольцев достигло двух сотен тысяч. Даже и недавние противники вмешательства, германофилы, пацифисты, ненавистники Антанты, – все они, когда война разразилась, превратились в единый лагерь патриотов, защитников отечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.